

UDC 94(470.1/.2)19:930

**THE STUDIES ON THE FOREIGN INTERVENTION
ON THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE POSTWAR SOVIET
HISTORIOGRAPHY (1945–1991)**

Stanislau A. Habrusevich

Belorussian State University
6, Krasnoarmeiskaia St., Minsk, Belarus. 220030
Graduate, History Department
E-mail: strangerbel@gmail.com

The author analyzes the Soviet historian's views on Entente intervention in the Russian Civil War on the European North of Russia. There are considered main directions in the Soviet historiography including discuss points, characterized the essential monographs on this issue.

Keywords: Entente intervention, European North of Russia, Civil war, the Soviet historiography.

В советской историографии гражданской войны наибольшее внимание уделялось иностранной интервенции, т.к. в полном соответствии с партийными установками вооружённое вмешательство стран Антанты во внутренние российские дела считалось катализатором гражданской войны.

Советские историки полагали, что к лету 1918 г. коммунистам удалось заручиться поддержкой большинства населения страны и практически сломить тлеющее сопротивление контрреволюционных сил. Вмешательство капиталистических держав во внутренние дела России, открытая военная и материальная поддержка контрреволюции в свою очередь позволила белым силам столь длительный срок противостоять большевикам и в какой-то момент даже поставила молодое Советское государство на грань гибели. В качестве основных причин вторжения стран Антанты советские историки в полном соответствии с текстом «Краткого курса истории ВКП(б)» называли «классовую ненависть» буржуазии к пролетарскому государству, опасения распространения «красной заразы» в Европе и Америке, желание закабалить Россию, превратить её в свой сырьевой, экономический придаток, разделив страну на сферы влияния. Также артикулировалась заинтересованность союзников в повторном открытии Восточного фронта против Германии и Австро-Венгрии, что могло быть возможным лишь после свержения большевиков, подписавших сепаратный мир в Брест-Литовске. Начало подготовки интервенции при этом соотносилось с декабрём 1917 г., когда было принято принципиальное решение о необходимости силового вмешательства во внутренние российские дела.

Специфика региона Европейского Севера России заключалась в том, что именно здесь присутствие иностранных войск носило определяющий характер. Если в Сибири и на Юге России страны Антанты ограничивались в первую очередь материальной поддержкой режимов А.В. Колчака и А.И. Деникина, на Севере России количество иностранных войск, принимавших непосредственное участие в боевых действиях, превышало численность местных антибольшевистских формирований. Для советских историков открывалась возможность, используя региональный материал, убедительно доказывать принятые положения о роли и масштабах интервенции.

Выбор в качестве объекта исследования советской историографии на послевоенном этапе (1945–1991 гг.) определялся высокой степенью соответствия научного видения проблемы политическим и идеологическим задачам, тогда как в довоенной исторической традиции ещё допускался определённый плюрализм взглядов и оценок.

Следует отметить использование советскими историками зарубежного источникового и историографического материалов в тех случаях, когда следовало доказать правоту советских концепций. Из воспоминаний британских военачальников и дипломатов (Е. Айронсайда, Ч. Мейнард) в советских работах цитировались признания о невозможности выиграть войну в России, о слабости и немногочисленности местных антибольшевистских сил, об эффективности большевистской пропаганды [1]. Активно цитировалось письмо американского консула М. Коуэла послу США Д. Фрэнсису, в котором откровенно обсуждались цели вторжения иностранных войск в Россию [2]. Приводились свидетельства волнений в рядах интервентов [3]. В 1982 г. на русский язык было переведено исследование британского историка Эндрю Ротштейна «Как Англия вторглась в Советскую Россию», в котором автор, основываясь на дневниковых записях английского консула в Архангельске Дугласа Янга, показывал подготовку стран Антанты к интервенции, называя в качестве основной её цели стремление британского и французского правительств утвердить на севере России марионеточный режим, подчинённый интересам иностранного капитала [4]. Подобная аргументация, подчёркивающая «разоблачительный характер» интервенции, была полностью созвучна позиции советских историков [5].

Начало интервенции в регионе историки связывали с подписанием Мурманским Советом 2 марта 1918 г. соглашения с представителями стран Антанты о совместных оборонительных действиях против Германии и Финляндии. Действия руководства Совета при этом назывались «предательством», инспирированным контрреволюционным руководством Совета во главе с «изменником» А.М. Юрьевым при подстрекательстве и «прямой помощи» «обер-бандита» Л.Д. Троцкого [6]. В качестве даты окончательного разрыва отношений между советским центром с одной стороны и Мурманским советом и интервентами с другой стороны назывались события 6 июля, когда Мурманский Совет подписал т.н. Временное соглашение с представителями интервентов, в соответствии с которым командование Антанты брало в свои руки управление военными силами Совета [7].

Стремительное падение Архангельска в ходе высадки союзников 2 августа 1918 г. объяснялось предательством ряда бывших офицеров царской армии, занимавших при обороне города ключевые посты [8]. При этом в некоторых работах упоминались ожесточённые бои в Архангельске [9]. На деле взятие города прошло без серьёзного сопротивления за исключением боя на острове Мудьюг. Длительный временной разрыв между событиями на Кольском полуострове и высадкой союзников в Архангельске объяснялся нехваткой, прежде всего у англичан, свободных войск по причине ожесточённых сражений на Западном фронте [10].

Дискуссионным оставался вопрос о численности иностранных войск в регионе и её соотношения с местными антибольшевистскими силами. Подчёркивание количественного перевеса сил интервентов над красноармейцами с одной стороны служило оправданием некоторых поражений большевиков, с другой стороны, демонстрировало их высокий моральный дух, ведь большевикам приходилось длительное время достаточно успешно сдерживать силы врага. Также подчёркивалось огромное количественное преимущество войск интервентов над местными белогвардейскими силами [11]. В коллективной работе «В борьбе за Советский Север», изданной в 1950 г., разница между войсками интервентов и

местными белыми силами на момент начала интервенции составляла 24 тыс. иностранных солдат к 1,5–2 тыс. белогвардейцев [12]. А.А. Самойло, М.К. Ветошкин придерживались более осторожных оценок, полагая, что в 1918 г. на Мурмане размещалось лишь 10 тыс. иностранных солдат [13]. Г.А. Алахвердов, основываясь на материалах военно-морского департамента США, приводил «неполные» по его мнению оценки численности интервентов в 24 тыс. человек к концу 1918 г. Историк отмечал более чем двукратный рост численности сил интервентов в регионе на протяжении 1919 г. [14]. В некоторых работах максимальное количество войск интервентов во второй половине 1919 г. доходило до 55 тыс. человек [15].

Зависимость местных антибольшевистских сил от влияния интервентов подчёркивалась в самих названиях исторических работ, в которых словосочетания «иностранная интервенция» неизменно оказывалось впереди [16]. Значение присутствия иностранных войск в регионе лишний раз подчёркивалось замалчиванием либо косвенным упоминанием успешных военных операций, осуществлявшихся исключительно местными белыми военными формированиями особенно после эвакуации интервентов. Историки также высказывали сомнения в успехе контрреволюционного заговора летом 1918 г. в Архангельске, если бы интервенты не оказали «лишённым социальной базы» малочисленным заговорщикам помощь [17].

Историки активно приводили в своих работах жалобы высокопоставленных лидеров белого движения, военных на недостаточную материальную, продовольственную помощь со стороны союзников, на недоверие союзников к русским офицерам и чиновникам, к которым зачастую относились «как к туземцам» [18]. Именно руководители войск интервентов стояли за попыткой проведения правого переворота 6 сентября 1918 г. в Архангельске, полностью контролировали политическую жизнь в крае [19].

Интервенты обвинялись в массовом вывозе материальных ценностей, прямом грабеже края [20]. Главными предметами вывоза сырья из края назывались лес, пенька, лён, марганцевые руды, пушнина. Признавался полный контроль союзников над внешней торговлей края [21]. Известный полярный исследователь Э. Шеклтон, заинтересованный в разработке месторождений природных ископаемых в крае, назывался не иначе как «колониальным предпринимателем» [22]. В первую очередь интервенты обвинялись в осуществлении политики белого террора. Приводились свидетельства расстрелов пленных красноармейцев, подпольщиков, гражданских лиц, применения против них газового оружия [23]. Читая советские исторические работы, складывается впечатление об использовании иностранных сил исключительно в карательных целях из опасений за ненадёжность белых, русских войск. В ряде работ вместо термина «белый террор» активно использовалось определение «зверства интервентов» [24].

Отдельного разговора заслуживает проблема определения ведущей страны-организатора интервенции. Непосредственно после окончания гражданской войны историки и очевидцы подчёркивали «союзный» характер интервенции [25]. По мере обострения отношений с Великобританией, именно английская сторона стала обвиняться в организации интервенции на Русском Севере. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» интервенция называлась уже «англо-французской». Смена акцентов, вызванная сиюминутным политическим контекстом «холодной войны», привела к подчёркиванию в конце 1940 – начале 1950 гг. чрезмерной роли США в организации интервенции. Во многих работах, посвящённых интервенции, можно было прочесть характерные фразы об «американо-британской интервенции», об «американо-британских войсках» [26]. На этом фоне логичными выглядели бесосновательные обвинения в работе на «американскую разведку» лидера местных

антибольшевистских сил Н.В. Чайковского на основании его проживания в эмиграции в Штатах в предшествующие революции годы [27]. В программной работе ведущего советского историка С.Ф. Найды «О некоторых вопросах гражданской войны в СССР» приводились сведения о количественном преобладании американских войск на Мурмане в 1918 г., об американском авторстве плана одновременных ударов в 1918 г. по Советской России с нескольких направлений [28]. Вплоть до конца 80-гг. тенденция к преувеличению роли США в организации интервенции оставалась актуальной. Правда при этом регион Русского Севера признавался сферой интересов Англии и Франции [29].

В меньшей степени историков затрагивали вопросы непосредственного ведения боевых действий в крае [30]. Практически не изученными оставались непосредственные вопросы организации военных действий сил интервентов, не анализировались их военные операции. Рядовые британские или американские солдаты появлялись на страницах советских научных работ лишь тогда, когда следовало показать рост их «революционного самосознания» и нежелания воевать в России. В отдельных работах упоминались эффективные действия шотландских, канадских, польских военных частей, деятельность британских лётчиков, воевавших совместно с белогвардейцами в «Славяно-британском авиационном корпусе», действия которых зачастую признавались более эффективными, чем у их советских визави [31]. Отмечалось эффективное использование гидропланов во время боевых действий в Карелии. А.А. Самойло, будучи кадровым военным, оказался одним из немногих советских специалистов, которые признавали высокую эффективность взаимодействия родов войск интервентов особенно в сравнении с белогвардейскими войсками [32].

В советской историографии всячески подчёркивалась эффективность большевистской пропаганды [33]. Преодолению распространённых среди иностранных солдат настроений о варварском характере большевиков способствовали, по мнению советских историков, выдачи пленных иностранцев, которые были соответствующим образом распропагандированы [34]. Широко отмечались случаи отказа иностранных солдат от выступления на фронт [35]. Так, в работе Э. Ротштейна приводилась подробная таблица, в которой в хронологическом порядке фиксировались вооружённые выступления, случаи массового дезертирства и неповиновения в рядах интервентов [36]. Пик протестных настроений иностранных солдат при этом фиксировался в августе 1919 г.

В советской историографии было принято подчёркивать стремление вооружённого руководства Антанты скрывать перед своими солдатами «подлинные цели интервенции» [37]. Долгое время солдат убеждали в том, что большевики являются союзниками Германии. После поражения Германии в войне руководство войск Антанты сетовало на невозможность эвакуироваться из-за отсутствия навигации, хотя именно зимой 1919 г. был зафиксирован рост военных поставок в Архангельск морем [38]. В дальнейшем, в течение 1919 г. условием успешного осуществления эвакуации называлось проведение наступательных операций, которые могли устранить на время угрозу наступления большевиков.

Эвакуация сил союзников летом 1919 г. единогласно оценивалась как «катастрофа» для белого движения. В тоже время внимание обращалось на относительно успешные военные операции интервентов в это время. В частности, использованием химического оружия объяснялось успешное наступление сил Ч. Мейнарда в Карелии, когда его войска вышли на ближайшие подступы к Петрозаводску. Отсутствие в рядах иностранных солдат чёткого понимания необходимости находиться далеко от дома в условиях завершившейся мировой войны маскировалось фразами о сложившейся в странах Запада «революционной

ситуации» и «глубоком разложении войск интервентов», ставшими главными причинами бесславной эвакуации сил Антанты [39].

Основными направлениями интересов советских историков таким образом стали рассмотрение механизмов начала интервенции в регионе, показ слабости и несамостоятельности местных антибольшевистских сил, полностью зависевших от интервентов, освещение террора со стороны интервентов, выяснение количественного состава иностранных войск. Особое внимание уделялось проблемам влияния советской пропаганды на иностранные войска, их разложения, падения боеспособности. Традиционно актуальным для советских историков вопросом оставалось выяснение ведущей роли конкретного государства-члена Антанты в организации интервенции. Проблемы, рассмотрение которых не носило идеологической и политической актуальности, оставались неизученными. Чрезмерное подчёркивание роли интервенции в оказании сопротивления большевикам сводило гражданское противостояние в крае в рамки одномерной схемы борьбы с «иноземными захватчиками».

Примечания

1. Самойло А.А. Две жизни. // Л., 1963. С. 274.; Алахвердов Г.Г. Разложение в войсках интервентов и белогвардейцев на Севере России в 1918–1919 гг. // Вопросы истории. 1960. №7. С. 125; Мырнин Г.Е., Потылицын А.Г., Кузнецов Г.А. В борьбе за Советский Север // Архангельск. 1950. С. 145.
2. История гражданской войны в СССР // М., 1957. Т.3. С. 176
3. Алахвердов Г.Г. Указ. соч. С. 121–134.
4. Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию. М., 1982. С. 87; Алахвердов Г.Г. Указ. соч. С. 122.
5. Ротштейн Э. Указ. соч. С. 176.
6. Тарасов В.В. Борьба с интервентами на Севере России // М., 1958. С. 39; Ветошкин М.К. Становление власти Советов на Севере РСФСР // М., 1957. С. 90; Самойло А.А., Сбойчаков М.С. Поучительный урок (боевые действия Красной Армии против интервентов и белогвардейцев на Севере России в 1918–1920 гг.) // М., 1962. С. 12.; Лебедев Н.В. Вологодские большевики в борьбе за советскую власть (1917–1920) // Вологда. 1957. С. 117; Ферин В.Р. Большевики Севера в годы гражданской войны // Архангельск, 1950. С. 13.
7. История гражданской войны в СССР // М., 1957. Т.3. С. 176.
8. Самойло А.А., Сбойчаков М.С. Поучительный урок (боевые действия Красной Армии против интервентов и белогвардейцев на Севере России в 1918–1920 гг.) // М., 1962. С. 28.; Самойло А.А. Две жизни // Л., 1963. С. 252; В борьбе за Советский Север. Ук. соч. С. 69.
9. Антисоветская интервенция и её крах // М., 1987. С. 30; Северный Фронт. Борьба Советского народа против иностранной военной интервенции и белогвардейщины на Советском Севере (1918–1920). Документы // М., 1961. С. 29–30.
10. Ротштейн Э. Ук. соч. С. 97.
11. Тарасов В.В. Ук. соч. С. 94, 214, 227; Малков В.М. На северном плацдарме // Вологда. 1963. С. 89, 91.
12. В борьбе за Советский Север. Ук. соч. С. 72.
13. Самойло А.А., Сбойчаков М.С. Ук. соч. С. 21, 56, 117.; Ветошкин М.К. Ук. соч. С. 89
14. Алахвердов Г.Г. Ук. соч., С. 122–123.
15. Королева Е.Г. Попов, А.А. Гражданская война в Коми крае // Сыктывкар. 1957. С. 45.; В борьбе за Советский Север. Ук. соч. С. 144.

16. Северный Фронт. Борьба Советского народа против иностранной военной интервенции и белогвардейщины на Советском Севере (1918–1920). Документы. / М., 1961.; Подвиг северодвинцев. Речники Севера в боях с интервентами и белогвардейцами в 1918–1920 годах. Науч. ред. М.И. Сбойчаков // М., 1963. 190 с.; Самойло А.А. Сбойчаков М.И. Ук. соч. С. 3; В борьбе за Советский Север. Ук. соч. С. 132.
17. Ветошкин М.К. Ук. соч. С. 97.; Ротштейн Э. Ук. соч. С. 111.
18. Ротштейн Э. Там же. С. 17.
19. В борьбе за Советский Север. Ук. соч. С. 115.
20. Борьба за торжество Советской власти на Севере. Сборник документов (1918–1920). под редакцией Г.Е. Мымрина // Архангельск, 1967. С. 178; Королева Е.Г. Попов А.А. Ук. соч. С. 45;
21. Ветошкин М.К. Ук. соч. С. 128
22. В борьбе за Советский Север. Ук. соч. С. 116.
23. Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России // М., 1947. С. 91–92
24. В борьбе за Советский Север. Ук. соч. С. 120.
25. Шумилов М.И. Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском Севере России (историографический очерк) // Петрозаводск. 1992. С. 70.
26. Березкин А. США – активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918–1920) // М., 1949.; Кунина А.Я. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917–1920 гг. // М., 1954; Мымрин Г.Е. Американские империалисты – вдохновители и организаторы военной интервенции против Советской России (1918–1920) // Архангельск. 1951. С. 10, 16; Лебедев Н.В. Ук. соч. С. 116.
27. Буханов М.С. Американские империалисты – злейшие враги Советского народа // Вологда. 1952. С. 9.
28. Найда С.Ф. О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР // М., 1958. С. 89, 91.
29. Антисоветская интервенция и её крах. / под ред. Ю.А. Полякова // М., 1987. С. 21.
30. Антисоветская интервенция и её крах. Ук. соч. С. 62.
31. Самойло А.А., Сбойчаков М.И. Ук. соч. С. 62, 71, 112.
32. Самойло А.А., Сбойчаков М.И. Там же. С. 91–92.
33. Алахвердов Г.Г. Ук. соч. С. 129.
34. Самойло А.А., Сбойчаков М.И. Ук. соч. С. 81.
35. Алахвердов Г.Г. Ук. соч. С. 128–129; Аксенов А.Н., Потылицын А.И. Победа Советской власти на Севере (1917–1920) // Архангельск, 1957. С. 104.
36. Ротштейн Э. Ук. соч. С. 147–149.
37. Алавердов Г.Г. Ук. соч. С. 123.
38. Алавердов Г.Г. Там же. С. 127.
39. Алавердов Г.Г. Там же. С. 134.

УДК 94(470.1/.2)”19”:930

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ
НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В ПОСЛЕВОЕННОЙ СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ (1945–1991 гг.)**

Станислав Александрович Габрусевич

Белорусский государственный университет
220030, Республика Беларусь, Минск, ул. Красноармейская, 6
Аспирант кафедры истории России
E-mail: strangerbel@gmail.com

В статье автор анализирует видение иностранной интервенции на территории Европейского Севера России советскими историками в период с 1945 по 1991 гг. Автором рассматриваются основные направления научных интересов историков, даётся краткая характеристика наиболее значимых монографий по данной проблеме.

Ключевые слова: Интервенция стран Антанты, Европейский Север России, Гражданская война, советская историография.